

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ*

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретико-методологические вызовы, вставшие в последние годы перед современной политической наукой. Эти вызовы имеют как онтологический, так и эпистемологический характер, то есть проистекают из объективной социально-экономической и политической динамики и из возникающих теоретико-методологических дилемм политического знания. Среди первых прежде всего можно выделить характер и последствия крушения (кризиса) миропорядка, сложившегося после окончания холодной войны. Далее, это исчерпанность линейной парадигмы политического развития (от модернизации до демократизации) и подъем «новой консервативной волны». Нерешенным остается также вопрос о ключевых драйверах политического развития – социально-экономических vs культурно-ценностных. Важным вызовом является также значительная вариативность и «нового авторитаризма», в том числе как относительно эффективного инструмента социально-экономического развития, так и современных демократий. Применительно к демократии сейчас едва ли не сквозная тема, привлекающая все больше внимания, – не ее подрыв «извне», а более или менее постепенная и плавная эрозия «изнутри». Проблемы состоятельности и устойчивости современных государств тоже активно дискутируются исследователями, и одним из результатов этих дискуссий может стать преодоление давно установившегося фокуса на режимных критериях в оценке современных государств. Среди эпистемологических вызовов выделяется соот-

* Мельвиль Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан и научный руководитель Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: amelville@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

ношение количественных и качественных методов, проблемы меж-, много- и трансдисциплинарности и т.п. В данной статье рассматриваются некоторые из вызовов первого рода.

Ключевые слова: теоретико-методологические вызовы; мировой порядок; развитие; демократия; «новый авторитаризм»; устойчивость; государственная состоятельность.

Для цитирования: Мельвиль А.Ю. Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 16–36. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>

Введение: природа современных вызовов

Драматические перемены, происходящие в мире на наших глазах, скорее всего, получают свое теоретическое осмысление не слишком скоро. Это и понятно: возникающие проблемы чрезвычайно сложны, к тому же социальное знание, как правило, отстает от во многом непредсказуемой динамики социально-политической реальности. Так и сейчас – академическая наука не поспевает за публицистикой и прикладной аналитикой, новостная лента «взрывает мозг», но при этом все еще мало отстраненных попыток осмысления и концептуализации новой реальности, возникающей и внутри современных государств, и в отношениях между ними.

Внешний контекст сегодня обоснованно воспринимается и понимается многими наблюдателями и исследователями как радикальный слом институциональных и ценностных основ мирового порядка, возникшего после окончания холодной войны, хотя его причины и следствия трактуются по-разному. Как бы то ни было, возникла реальность новой региональной и глобальной конфронтации, в разных регионах мира оспариваются территории и суверенитеты, множатся кризисы в мировой политике, экономике, финансах, торговле, демографии, экологии и иных областях, влекущие масштабные последствия – политические, социальные, идейные, культурные и др. Это, если угодно, мир «пост-Фукуяма» – без иллюзий «общего будущего». Скорее вспоминается «столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону, кое-где проникнутое в духе «Катехона» эсхатологическими мотивами последней битвы с силами вселенского зла. Внутренний контекст не менее драматичен и тревожен – судя по эмпирическим наблюдениям и некоторым обобщениям, множатся социально-политические расколы в

современных обществах, усиливаются общая дестабилизация и социально-политическая поляризация, продолжается драматический рост неравенства не только между государствами, но и внутри них, происходит подъем правого и левого популизма, экстремистских движений, не решаются проблемы существующих политических партий, да и самого политического представительства, и многое другое.

В литературе обычно миропорядки трактуются как сменяющие друг друга системы международных норм и институтов (об этом поговорим чуть позже), однако, как представляется, правомерен и более широкий и комплексный подход к этой проблеме. Во-первых, миропорядки могут не только исторически сменяться, но и одновременно *существовать*, причем в разных аспектах и измерениях. Скажем, основополагающий принцип Вестфальского порядка – государственный суверенитет, который несколько не утратил своего значения и сегодня, хотя и оспаривается с разных идейно-политических и теоретических позиций. Во-вторых, мировые порядки могут относиться не только к собственно международной (внешней) сфере, но и к широко принимаемым (хотя, разумеется далеко не всеми) *внутренним* нормам и правилам, которые также претерпевают изменения. Сегодня политической науке приходится реагировать на происходящие перемены на обоих уровнях.

Для политической науки этот *новый внешний и внутренний контекст* задает ряд серьезных теоретико-методологических вызовов. Такого рода вызовы, по существу, это крупные проблемы принципиального характера, ждущие если не решения, то по крайней мере концептуальной реакции, осмысления и попыток ответа. Для конкретной области знания это вряд ли задачи в духе «научных революций» à la Т. Кун; их масштаб, по крайней мере, пока явно меньше, хотя данные проблемы и вполне важные, и способные наметить перспективы дальнейшего дисциплинарного развития. К тому же динамика политической науки (как, скорее всего, и других наук) *дискретна и скачкообразна*, то есть наука проходит через меняющиеся теоретико-методологические «фазы», связанные с временным доминированием определенных подходов (как это было, например, с бихевиоризмом, различными вариациями (нео)институционализма, потом – с рациональным выбором и т.п.).

Для сегодняшнего состояния политической науки вряд ли характерна какая-то одна доминирующая теоретическая и методо-

логическая парадигма, скорее, политическая наука пребывает в «промежуточном» состоянии. Не так давно Р. Гудин [Goodin, 2011] не без сожаления говорил об отсутствии в политической науке на нынешнем этапе ее развития своего рода Big Things, то есть новых крупных теоретико-методологических парадигм, которые были бы способны претендовать на комплексный и едва ли не всеобъемлющий аналитический подход. Проблема *промежуточного* состояния современной политической науки вызревала достаточно долго, но нынешние международный и внутренний контексты, как и ее собственная внутренняя дисциплинарная динамика, сделали проблему и заметнее, и острее. В известной мере «промежуточное» состояние отражает неготовность современного политического знания предложить претендующие на общезначимые (если не универсальные) теоретические и методологические подходы, которые могли бы наметить ответы на возникшие вызовы.

Как представляется, это вызовы как минимум двух типов. С одной стороны, они, условно говоря, *онтологические* (или «экзистенциальные»), то есть проистекают из самого объективного внутреннего и внешнего контекста и порождаемых им проблем. С другой стороны, они имеют своего рода *эпистемологический* характер, то есть обусловлены пока что нерешенными вопросами преимущественно методологического характера, вытекающими из самой логики развития современной политической науки. К первой группе в моем представлении, основанном на современной литературе и знакомстве и участии в ведущихся академических дискуссиях, относятся, в частности, проблемы меняющихся на наших глазах мировых порядков, проблемы политического развития, появления все более разнообразных политических режимов и траекторий их развития, проблемы устойчивости и эффективности современных государств и др. Вторая группа вызовов включает пока не до конца решенные проблемы соотношения количественных и качественных методов в политологических исследованиях, проблематику меж-, много- и трансдисциплинарности, сложные вопросы адекватности используемых современных баз данных (как и методов их обработки) и др. Далее в этой статье сосредоточусь на первой группе вызовов. При этом допускаю, что здесь представлен относительно субъективный взгляд, но я (в отличие от целого ряда моих коллег) никогда не претендовал на монополию на истинное знание. По крайней мере, это сюжеты, которые вброшены всем нам

самой новой политической реальностью и с разной степенью интенсивности (не говоря о результативности) обсуждаются академическим сообществом.

Крушение post-Cold war миропорядка

О хрупкости так называемого либерального мирового порядка (или порядка, основанного на правилах), возникшего после окончания холодной войны, предупреждали многие исследователи, прежде всего «реалистского» направления (см., например: [Mearsheimer, 2019]). Сегодня его крушение более чем очевидно, что в изобилии комментируют международники и особенно публицисты. Однако нынешние перемены имеют более широкое значение также и для политической науки в целом и нуждаются в соответствующем осмыслении. Международники (и «там», и «здесь») говорят прежде всего и в основном о распаде однополярного миропорядка, о реальном становлении многополярности, точнее, наверное, с аналитической точки зрения все же о «многполюсности» (см., в частности: [Барановский, Кувалдин, 2023]), о подъеме так называемых ревизионистских держав, оспаривающих сложившееся после окончания холодной войны распределение сил и соответствующие международные нормы и правила. Соответственно, возникает вопрос и о драматически возросшей конфликтности мировой политики, и о вновь дающей о себе знать огромной роли грубого силового фактора. Нет оснований оспаривать очевидные наблюдения, просто масштаб возникших теоретических проблем для социальных наук и политологии в частности несколько больше.

В литературе международные порядки обычно связывают с Вестфальскими, Венскими, Версальскими и Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, зафиксировавшими нормы и правила взаимоотношений государств по итогам масштабных (сначала региональных, а впоследствии и глобальных) конфликтов. Иногда выделяют и так называемый постсоветский миропорядок, который, однако, не был оформлен соответствующими международными соглашениями.

Обычно миропорядок трактуется как сочетание *институтов*, а также общепринятых и официально закрепленных в соответствующих договоренностях *норм и правил*, которые так или иначе его фиксируют и поддерживают. Однако применительно к

миропорядку после холодной войны не совсем ясно, так ли это было на уровне формальных мировых практик и соглашений. Общий вектор начиная с конца 1980-х годов и вплоть до наступления нынешнего кризисного состояния вряд ли вызывает сомнения в этом представлении, однако не совсем ясно, в какой мере так называемый *post-Cold war* миропорядок соответствует этим традиционным критериям. Скорее, это были своего рода негласные нормы и правила, подразумевавшиеся и поддерживавшиеся, но, строго говоря, не зафиксированные в формальных соглашениях. Тогда это все же несколько иной «миропорядок», который нуждается в дополнительном осмыслении. Нет никаких оснований оспаривать очевидно сложившиеся на сегодня мировые реалии, но, как представляется, необходимо их осмысление в контексте общих социально-политических представлений о логике и направлениях современного мирового развития. В частности, сама по себе деконструкция и крушение «либерального мирового порядка», как замечает китайский исследователь Чжао Хуашэн¹, отнюдь не ведет автоматически к становлению нового «порядка» – возможен и период «международного беспорядка», что, собственно говоря, мы и переживаем (а не наблюдаем со стороны) в настоящее время. Это болезненное и трудно предсказуемое переходное состояние мира, которое нуждается в комплексном анализе, причем не только со стороны международников, но и представителей всех социальных наук.

Еще один, хотя и более частный, сюжет для размышлений политологов, социологов и международников связан с существенным вопросом о соотношении имеющихся у современных государств *ресурсов* и *эффектов* их использования. Традиционная и общепризнанная литература на этот счет (начиная от классических исследований Rand Corporation (см., например: [Tellis et al., 2000]), как правило, исходит из представления о том, что национальная мощь и потенциал международного влияния зависят от имеющихся в распоряжении государства экономических, военно-силовых, культурно-идеологических, институциональных и иных ресурсов (включая и «мягкую силу»). Здесь, однако, возникает существен-

¹ Хуашэн Ч. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество // Россия в глобальной политике. – 14 октября. – 2020. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/> (дата посещения: 23.01.2024).

ный вопрос более общего плана, который важен и для конкретных международных исследований. Всегда ли – а если нет, то в каких обстоятельствах, – недостаток ресурсов международного влияния может быть компенсирован политической волей и стратегией? Характерным историческим примером может служить Пруссия эпохи Бисмарка, когда политическая воля и напряжение национальных сил позволили в определенный период достичь впечатляющих результатов. Тем не менее общая проблема остается – в какой мере стратегия, не подкрепленная достаточными ресурсами, может быть эффективной в долгосрочной перспективе? Это вопрос для серьезного обсуждения в политологических дискуссиях завтрашнего дня.

Дефицит современной теории политического развития

Вторая крупная проблема, нуждающаяся сегодня в пристальном внимании, связана с логикой современного политического развития, что в свою очередь отчасти вытекает из кратко очерченной выше проблематики крушения (или глубокого кризиса) современного миропорядка. Как представляется, это проблема – и, если угодно, вызов не только для международников, но и для представителей многих социальных наук. Те или иные представления о природе политических изменений и направленности политического развития всегда были и по-прежнему остаются важным атрибутом политической науки – собственно говоря, от Античности до сегодняшнего дня. И они продолжают вызывать серьезные и пока не преодоленные разногласия. Вопросы, относящиеся к более широкой логике понимания современных социально-политических процессов и их направленности (если, разумеется, ее удастся установить), важны прежде всего для дальнейшего развития самого политического знания.

Многие (или даже доминирующие) в последние десятилетия (а то и столетия) размышления о политическом развитии так или иначе были продиктованы разными вариантами общей *линейной логики*, хотя и с разным содержательным наполнением – от просвещенческого прогрессизма в духе Кондорсе до марксистской теории смены формаций и далее до парадигмы модернизации в ее очень разных вариациях и до мощной идейно-политической кон-

струкции демократизации («демократического транзита») как доминирующего вектора современности. Линейное понимание политического развития, естественно, не единственное – были и остаются, особенно в разных не относящихся к мейнстриму социальных наук идейных и культурных традициях, представления о цикличности и даже регрессе. Тем не менее сегодня сама идея линейного развития вызывает все больше сомнений и разногласий, кто-то называет ее даже анахронизмом (подробнее об этом в следующем разделе данной статьи). Замечу еще раз, что понимание (и отношение к) социального и политического развития – это важный «внутренний» компонент меняющихся мировых порядков.

Некоторые авторитетные и абсолютно уважаемые мною авторы претендуют на то, чтобы говорить о существовании всеобщей, условно говоря, морфологической модели глобальной динамики, применимой не только к политической науке, но и к иным (чуть ли не всем) областям современного знания. Представляется, однако, что здесь не следует смешивать масштабы анализа. Нас как политологов прежде всего заботят проблемы именно современных политических процессов и их логика, понимание которой и сегодня остается большим вызовом для современной политической науки. Эта логика (если ее понимание вообще возможно на современном этапе развития социального знания) пока не получила сколько-нибудь приемлемой концептуализации. В самом деле, речь, по сути, идет о том, как встроить в наше знание о сегодняшней политике и обществе совершенно *разновекторные траектории* современной политической динамики, которые на сегодняшний момент не укладываются в привычные модели линейного (хотя и с разным содержательным наполнением) политического развития.

Заметим при этом, что обозначенные выше и противостоящие друг другу векторы политического развития в целом ряде отношений действуют, несмотря на *de facto* продолжающуюся глобализацию, как факторы своего рода *разделения* человечества на трудно совместимые сегменты – не только политические, но и ценностные и цивилизационные. Соответственно, лишаются смысла (по крайней мере в настоящее время) и многие ключевые категории прошлого политического дискурса – прежде всего, само представление об общечеловеческом будущем, не говоря уже о подзабытых «общечеловеческих ценностях». Сам образ будущего в этой новой перспективе оказывается размытым и во многом сводится к

норме status quo, связанной с духом современного консервативного разворота, о чем мы еще поговорим ниже. При этом подчас образа будущего вообще нет, есть лишь отмеченная консервация состояния «сейчас». Проекция *возможного будущего* (или будущего во множественном числе), таким образом, становится серьезным вызовом для современной политической науки, к которой раньше или позже только предстоит подступить.

Очевидное, казалось бы, наблюдение – уже отмеченные выше несовместимые векторы политического развития разных политических систем современности, в том числе, если использовать привычные, хотя и вряд ли работающие сегодня, полярные категории авторитаризма и демократии. Современный мир оказывается гораздо более многомерным и демонстрирующим вариативность этих условных и прежде всего ценностных и с трудом эмпирически верифицируемых абстрактных идейных и политических полюсов.

Нерешенным остается также вопрос о ключевых драйверах политического развития – *социально-экономических vs культурно-ценностных*. С одной стороны, мощная традиция, идущая еще от С. Липсета и его последователей, утверждает приоритет первых и продолжает давать развернутую аргументацию, хорошо суммированную А. Пшеворским и Ф. Лимонжи [Przeworski, Limongi, 1997]. С другой стороны, еще от Г. Экштейна [Eckstein, 1988] развивается совсем иной подход к пониманию движущих сил политического развития, который получил условное название «культуралистского». В последнее время его яркими представителями выступали Р. Инглхарт, К. Вельцель и их коллеги (см., например: [Welzel, 2023] с призывом «вернуть культуру» в исследования современной политической динамики). Теоретическое и эмпирическое определение соотношения этих двух подходов к проблемам политического развития остается важной задачей на будущее. Это тоже серьезный эмпирический и теоретический вызов для сегодняшней политической науки.

Дилеммы современных демократий и «новый авторитаризм»

Это еще едва ли не один из ключевых вызовов для современной политической науки. Отправным пунктом здесь может

быть эмпирически наблюдаемая сегодня *вариативность* привычных политических категорий – как в отношении «демократии», так и «авторитаризма». Это тоже важный компонент для понимания меняющихся мировых порядков.

С одной стороны, на наших глазах множатся серьезные проблемы современных демократий и их многообразных разновидностей, что фиксируется как неакадемическими наблюдениями, так и многочисленными исследованиями. Возникающее *многообразие современных режимных разновидностей* под общим «демократическим зонтиком» еще ждет своей концептуализации. Вместе с тем возникающее «демократическое разнообразие» ставит вопрос об уточнении критериев режимных классификаций, что, впрочем, относится и к их, условно говоря, «авторитарному полюсу».

Это и многократно фиксируемые проблемы политических партий и самого политического представительства, и проблемы демократии как эффективного инструмента социально-экономического развития, и неудержимое расширение либеральной повестки, в том числе включающей запросы все более широких групп населения, меньшинств, неинтегрируемых групп мигрантов и др., и эксцессы политики мультикультурализма, и многое другое. В итоге возникает мощная волна *критики и самокритики* современной демократии, свидетельствующая в том числе о ее серьезных концептуальных проблемах на современном этапе.

При этом, с другой стороны, на передний план исследований выходит и *новая авторитарная волна*, которая не ограничена каким-либо одним географическим регионом и имеет комплексный характер, то есть ставит разнородные группы вопросов, относящихся к происхождению авторитарных режимов и их динамике, их функциям, их разновидностям, их эффектам и др. По сути, возникает ряд принципиально новых и пока нерешенных проблем для политической науки, некоторые из которых будут обозначены ниже.

Но прежде вернемся к некоторым сюжетам, относящимся к *кризису демократии*. Прежде всего, это отнюдь не новая, но периодически возникающая в идейно-политических дискуссиях тема (достаточно вспомнить известную работу 1975 г. [Crozier, Huntington, Watanuki, 1975]). Хотя, действительно, сегодня она приобрела чуть ли не беспрецедентный масштаб.

Доминирующая тема сегодня – «глобальная демократическая рецессия» или «демократическое сползание» с примерами

Бразилии, Индии, Мексики, Польши, Венгрии, Таиланда и ряда других стран, иной раз даже США (при Д. Трампе) [Diamond, 2022], особенно очевидная после крушения надежд и иллюзий «третьей волны демократизации». Понятие «кризиса демократии» используется не менее часто [Przeworski, 2019], но есть важные нюансы в понимании и интерпретации этого кризиса, в том числе по сравнению с 1970-ми годами.

Об этом кризисе говорят сегодня многие авторитетные эмпирические исследования. Например, согласно докладу 2023 г. Института V-Dem в Гётеборгском университете, основанному на глобальных по масштабу опросах экспертов, только 13% мирового населения считают, что живут в условиях либеральных демократий, тогда как 72% полагают, что они живут в тех или иных разновидностях недемократических режимов, что означает снижение уровня демократии в мире до как минимум 1986 г.¹ Конечно, такие оценки во многом могут быть субъективными, но они, как бы то ни было, фиксируют важную тенденцию, на которую нужно обратить внимание.

Едва ли не сквозная тема здесь – не подрыв демократии как бы «извне» (как нередко бывало в прошлом веке), а ее более или менее постепенная и плавная *эрозия изнутри*. А. Пшеворский при этом использует образ Stealth, то есть не открытого авторитарного переворота, а «плавного» и осуществляемого в основном предварительно более или менее демократически избранным лидером и его командой перевода государственного и политического управления в авторитарный режим, вначале «мягкий», но постепенно становящийся все более «жестким». Эта тема сегодня почти доминирует в режимных исследованиях ([Levitsky, Ziblatt 2018; Mounk, 2018; Brownlee, Miao, 2022; Luo, Przeworski, 2023] и др.). Речь идет, по сути, о вариантах того, что еще раньше и в основном применительно к некоторым латиноамериканским странам называлось *autogolpe*, то есть «самопереворотом». В широко используемой в современной литературе терминологии это ставит вопрос о перерождении «нелиберальных демократий» в специфические варианты «электорального авторитаризма».

¹ Democracy Report 2023: Defiance in the Face of Autocratization // V-Dem Institute. – 2023. – March. – P. 6. – Mode of access: https://www.v-dem.net/documents/30/v-dem_democracyreport2023_highres.pdf (accessed: 15.12.2023).

Заметим при этом, что в современной литературе своего рода «демократический пессимизм», о котором шла речь выше, соседствует и с безудержным и безоглядным «оптимизмом» в отношении будущего демократии (см., например: [Levitski, Way, 2023; Welzel, 2023]). Проблема здесь, как представляется, в значительной мере связана с абстрактно-ценностным отношением к используемым режимным категориям («хорошее – плохое»), не учитывающем в должной мере их сегодняшнюю многомерность и вариативность, о чем выше уже шла речь. Более конкретный их анализ – тоже важная задача для политической науки на будущее.

В немалой степени, кстати, это относится и к важному тезису о сегодняшнем *кризисе либерализма*, который сейчас тоже находится в центре дискуссий. Сама либеральная идея в современных политических и политологических дискуссиях нередко категорически отвергается как заведомо устаревшая и не отражающая современные реалии [Luce, 2017; Deneen, 2018]. С другой стороны, мы встречаем и не менее абстрактно звучащие утверждения авторитетных исследователей в защиту либеральных идей и практик *per se* (показательный пример – [Fukuyama, 2022]), далеко не всегда подтвержденных конкретным анализом реальных проблем современного либерализма. Это тоже реальный вызов для современной политической науки, на который рано или поздно должен быть предложен обоснованный, детальный и дифференцированный ответ.

Здесь есть целый ряд существенных вопросов для дальнейших исследований, в том числе относящихся к теоретическому и эмпирическому анализу новых возникающих проблем, связанных с современной режимной динамикой. Во-первых, это вопрос о *критериях классификации* современных режимных разновидностей, прежде всего относящихся к своего рода «серой зоне», то есть не к упрощенному делению на два полярных ценностных полюса «демократии» и «автократии», а к гораздо более сложным и смежным вариантам. Этот вопрос в современной литературе поставлен, но далек от сколько-нибудь приемлемого решения.

Во-вторых, принципиально сложной проблемой является не только классификация современных авторитарных разновидностей, но и понимание их сути и эффектов, которые далеко не однозначны и не укладываются в упрощенные «черно-белые» ценностные схемы. Едва ли не ключевой вопрос здесь связан с новым

пониманием проблемы *авторитаризма и развития*. Доминирующая в литературе традиция основана на представлении о том, что социально-экономическое развитие имеет своего рода политические корни, а именно так или иначе связано с уровнями демократии (как, впрочем, и наоборот). Это мощная традиция, имеющая развернутое концептуальное и эмпирическое обоснование, которое, однако, сегодня нуждается в более детальном рассмотрении. Важный момент здесь связан с различием новых типов нашего знания о социально-экономических истоках демократии, а также о социально-экономических эффектах разновидностей современных автократий.

Доминировавшая в недалеком прошлом в социально-политическом знании традиция объяснения истоков демократического развития экономическими предпосылками и, в частности, возникновением все более экономически независимого от государства среднего класса, настаивающего на политическом представительстве своих интересов, сегодня может нуждаться в переосмыслении (или как минимум в серьезных уточнениях). В разных регионах мира мы сейчас встречаемся с феноменом возникновения среднего класса (по крайней мере, по уровням потребления), который отнюдь не демонстрирует демократических амбиций и потребностей. Напротив, он вполне органично встроен в те или иные варианты авторитарного правления – прежде всего, в силу экономической зависимости от государства (Китай, судя по всему, может служить здесь характерным примером, хотя это можно наблюдать и во многих других странах) (см., например, сравнительное исследование [Rosenfeld, 2021]). Эта проблема – становление *консервативного* и во многом *авторитарного среднего класса* – является еще одним серьезным вызовом для современной политической науки, которая потребует дальнейших эмпирических и теоретических исследований.

Далее, как отмечалось выше, изучение разновидностей современного авторитаризма, порождающих его условий и вызываемых им эффектов потребует значительных усилий. С одной стороны, мы видим примеры различных типов авторитаризма (например, от Сингапура до Китая), которые с использованием разных инструментов и в разных условиях добивались внушительных экономических и отчасти социальных результатов. Конечно, с другой стороны, на их фоне мы видим и иные, гораздо более многочисленные ре-

зультаты авторитарного правления в Африке, Азии, Латинской Америке и других регионах мира – от голода и разрухи до полной государственной несостоятельности. Тем не менее сама проблема экономических и иных эффектов автократии остается не до конца решенной в современной политической науке. Их многомерность и разнонаправленность на сегодняшний день – серьезный концептуальный и эмпирический вызов для еще предстоящих политологических сравнительных исследований.

Еще одна важная и перспективная тема в изучении современных вариаций авторитаризма – это возможные инструменты ограничения персоналистской власти и их сравнительная эффективность [Gill, 2021]. Один из доминирующих сюжетов здесь связан со сравнительным анализом эффектов институционализации персоналистской власти. Так, например, А. Менг в своем исследовании авторитарных режимов в Африке вполне убедительно демонстрирует позитивную зависимость между институционализацией и ограничением авторитарной власти [Meng, 2020]. Можно предположить, что это направление станет особенно важным для современной сравнительной политологии.

В целом несмотря на значительное продвижение в изучении современного авторитаризма, это направление сравнительных исследований остается одним из наиболее перспективных и актуальных для политической науки, в том числе и потому, что теоретически может рано или поздно стать возможным образцом развития в современном мире (помимо уже известных). Конечно, это будет крушением большинства наших сегодняшних ценностных представлений, однако, как представляется, такой сценарий нельзя однозначно исключать. В принципе нельзя исключать и вероятности новой *легитимации авторитаризма* как эффективного способа управления и развития. Представляется, что эти сюжеты могут также стать существенными вызовами для современной политической науки уже в самом ближайшем будущем. Ведь так, собственно говоря, уже было с категорией *консерватизма*, которая еще недавно в принятом политическом дискурсе воспринималась как своего рода ценностно неприемлемая, однако сейчас в разных контекстах может выступать как совершенно легитимная альтернатива по отношению к нерешенным проблемам современных демократий.

Проблемы успешности и устойчивости современных государств

Проблемы успешности и устойчивости современных государств тоже активно дискутируются сегодня исследователями, и одним из результатов этих дискуссий может стать преодоление давно установившегося фокуса на режимных критериях в оценке современных государств. Критерием оценки при сравнении разных государств мира в тенденции могут оказаться не столько их режимные характеристики, сколько их *стабильность и эффективность*. Впрочем, данный подход имеет достаточно давнюю историю. Вспомним, например, классический тезис С. Хантингтона в работе «Политический порядок в изменяющихся обществах» о том, что «самым важным из того, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма правления, а степень управляемости. Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где этого всего недостает» [Хантингтон, 2004, с. 21].

Почти через два десятилетия достаточно похожая тематика возникла вновь в известной работе «Возвращение государства» [Evans, Rueschemeyer, Skocpol, 1985]. В то время это был важный знак, свидетельствовавший о попытках преодоления почти преобладавшего фокуса на тематике политических систем и о вновь возродившемся интересе к традиционному для политической науки государство-центрическому подходу. С тех пор данная проблематика продолжает обсуждаться, причем особенно активно в последние десятилетия.

Движущие «экзистенциальные» силы этих академических и экспертных процессов достаточно понятны – и это прежде всего, сами реальные проблемы всех разновидностей современных государств. Во-первых, проблемы становления и развития новых государств в разных частях мира и в разных условиях. Один из важных нерешенных вопросов заключается в выявлении возможной (но пока не раскрытой) общей логики формирования новой государственности, а точнее – новых государственных типов. Во-вторых, обстоятельства и, соответственно, угрозы эрозии су-

шествующей государственности в разных внутренних и внешних контекстах. Эмпирические исследования «несостоятельных» государств ждут своего продолжения и расширения с привлечением более широкого сравнительного материала, включая концептуальный и эмпирический анализ факторов «ослабления» государства и государственности, в том числе и «развитых». И в-третьих, конечно, это особенности взаимоотношений разных типов государств с разной государственностью и иными характеристиками в условиях меняющихся мировых порядков.

Заметим, что в сегодняшнем отечественном дискурсе возник еще один специфический сюжет, связанный с вопросом о «государстве-цивилизации» и ее своего рода «генетической» устойчивости, вытекающей из преемственности предшествующих традиций. Сегодня рано говорить о реальных эффектах и потенциале цивилизационного подхода к изучению современных государств и их особенностей, но очевидно, что вопрос нуждается в более глубоком изучении¹.

Как бы то ни было, при сравнительном анализе современных государств обычно различают, с одной стороны, собственно *государственность* (в базовом веберианском смысле слова) как преимущественно способность обеспечивать внутренний и внешний суверенитет, а с другой – *государственную состоятельность* (state capacity) как ресурсы и возможности добиваться более или менее успешного достижения поставленных целей и задач – политических, экономических, социальных и др. Оба эти измерения в совокупности как раз и отражают условия успешности и устойчивости государств каких бы то ни было типов и разновидностей.

Заметим при этом, что в последнее время именно проблематика государственной состоятельности оказывается в фокусе заметных политологических исследований (см., например: [Acemoglu, García-Jimeno, Robinson, 2015; Andersen et al., 2014; Bäck, Hadenius, 2008; Hanson, 2018]). Соответствующие работы, едва ли не доминирующие сегодня в литературе, посвященной сравнительному анализу современных государств, раскрывают многие важные

¹ Об этом, в частности, рассуждает И. Тимофеев. Подробнее см.: *Тимофеев И.Н.* Государство-цивилизация и политическая теория // Российский совет по международным делам. – 18 мая. – 2023. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gosudarstvo-tsivilizatsiya-i-politicheskaya-teoriya/?phrase_id=121608242 (дата посещения: 16.12.2023).

концептуальные аспекты данной проблематики. Вместе с тем остается существенная задача для политической науки на перспективу, а именно – развитие и совершенствование эмпирического сравнительного анализа государственной состоятельности разных типов и в разных контекстах.

Еще одно важное направление перспективных сравнительных исследований связано с концептуальным анализом *государственной устойчивости* (resilience) и влияющих на нее факторов. До последнего времени здесь осуществлялись попытки, в частности, по линии изучения некоторых аспектов устойчивости международных усилий по противодействию природным катаклизмам, динамике окружающей среды и др. [Chandler, Coaffee, 2017]. Но, разумеется, кризис международного порядка после холодной войны, о чем шла речь в первом разделе этой статьи, ставит под большой вопрос полученные научные результаты. Вместе с тем обращают на себя внимание некоторые предпринимаемые усилия эмпирического характера, в том числе по разработке вариантов нового индекса государственной устойчивости¹ и с учетом достаточно широкого комплекса экономических, социальных, управленческих и иных параметров². На настоящий момент это еще очень предварительные подходы, однако, как представляется, само направление этих исследовательских усилий заслуживает серьезного внимания.

Несмотря на уже значительную и растущую литературу, посвященную устойчивости (и неустойчивости, причем в разных смыслах) современных государств (см., например: [Canetti et al., 2014; Goldstone et al., 2000; Pileggi, 2022]), остаются серьезные вопросы, ждущие прояснения. Прежде всего, это вопросы концептуального характера, например, относящиеся к определению и критериям устойчивости («резильентности») государства и его «слабости» по отношению к внешним и внутренним вызовам, а также к влияющим на эти состояния и их изменения факторам.

¹ См. подробнее: *Malik N., Ehsan R.* The National Resilience Index 2020: an assessment of the D-10 // The Henry Jackson Society. – 2020. – Mode of access: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2020/09/National-Resilience-Index.pdf> (accessed: 23.01.2024); State Resilience Index: Annual Report 2022// The Fund for Peace. – 2022. – Mode of access: <https://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2022/12/SRI-Index-12.6.22-II80.pdf> (accessed: 23.01.2024).

² Там же.

Иные важные вопросы относятся к способам операционализации и измерения уровней устойчивости и неустойчивости современных государств, в том числе с учетом меняющихся мировых порядков. Наконец, это уже отмеченная выше проблема приоритета государственной устойчивости и режимных критериев в сравнительном анализе. Часть этих вопросов относится к государственному управлению и его качеству, а также к роли управленческих институтов, что, по всей видимости, должно предполагать междисциплинарные подходы.

Вместо заключения

Итак, в этой статье намечены некоторые проблемные области, которые, по существу, представляют собой серьезные теоретико-методологические вызовы для современной политической науки и нуждаются в пристальном внимании. Предложенная типология этих вызовов («онтологические» и «эпистемологические»), разумеется, условна и может быть дополнена.

Более того, спектр этих вызовов намного шире и не исчерпывается перечисленными сюжетами; вместе с тем обозначенные выше проблемы на обозримую перспективу, судя по всему, должны оказаться в фокусе представителей политической науки.

Проблематика разворачивающегося на наших глазах крушения (или как минимум глубокого кризиса) мирового порядка, в той или иной степени сложившегося после окончания холодной войны, несомненно, будет оставаться в центре международных исследований. Но мы предлагаем взглянуть на происходящее шире, включая более общие политологические аспекты (в том числе относящиеся к ряду «внутренних» измерений миропорядка). Для политической науки крайне важной проблемой остается дефицит новой теории политического развития, особенно в условиях очевидной многомерности и разновекторности современной социально-политической динамики. Еще один очевидный вызов связан с объяснением вариативности современных демократий и автократий, порождающих их условий и вызываемых ими эффектов. Наконец, важный и, как представляется, перспективный сюжет – это проблематика устойчивости и эффективности современных государств (в том числе и в контексте режимных сравнений и сопоставлений).

Еще раз подчеркнем, что это лишь некоторые из серьезных теоретико-концептуальных вызовов для политической науки. Однако вряд ли можно ожидать, что ответы на них, учитывая саму природу политического знания, могут быть однозначными и исчерпывающими.

A.Yu. Melville*
New Challenges for Political Science¹

Abstract. This article deals with some new theoretical and methodological challenges for contemporary political science to wait for consideration. These challenges are ontological and epistemological; on the one hand, they derive from the objective dynamics of the political, economic and social reality and, on the other hand, from the emerging dilemmas of political science itself. The first type of challenges comprises the following ones: the collapse of the post-Cold war world order, the absence of the new theory of political development, the new conservative wave and its consequences. The question of key drivers of political development – socio-economic vs. cultural and value-based – is among academic issues to be addressed. The significant variability of both authoritarianism and democracy is also an essential challenge. In relation to democracies, there is now almost a crosscutting topic of more or less gradual and smooth erosion of democracies “from within” (in contrast to undermining of democracies “from the outside” in the 20th century). The issues of capacity and resilience of modern states are also actively discussed by researchers; there is a possibility that these discussions will help to overcome the long-established focus on regime characteristics in the assessment of modern states. Among epistemological challenges, it is worth mentioning the balance of quantitative and qualitative methods, the problem of multidisciplinary approach, etc. This article concentrates on the first type of challenges.

Keywords: theoretical and methodological challenges; world order; development; democracy; “new authoritarianism”; resilience; state capacity.

For citation: Melville A.Yu. New challenges for political science. *Political Science (RU)*. 2024, N 2, P. 16–37. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>

* **Melville Andrei**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: amelville@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

References

- Acemoglu D., García-Jimeno C., Robinson J.A. State capacity and economic development: a network approach. *American economic review*. 2015, Vol. 105, N 8, P. 2364–2409. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20140044>
- Andersen D., Møller J., Rørbæk L.L., Skaaning S.-E. State capacity and political regime stability. *Democratization*. 2014, Vol. 21, N 7, P. 1305–1325. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960204>
- Bäck H., Hadenius A. Democracy and state capacity: exploring a j-shaped relationship. *Governance*. 2008, Vol. 21, N 1, P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2007.00383.x>
- Baranovsky V.G., Kuvaldin V.B. Global conflict: an attribute of a changing world order or an outdated tool for its transformation? *Polis. Political studies*. 2023, N 6, P. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.02> (In Russ.)
- Brownlee J., Miao K. Debate: why democracies survive. *Journal of democracy*. 2022, Vol. 33, N 4, P. 133–149. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0052>
- Canetti D., Waismel-Manor I., Cohen N., Rapaport C. What does national resilience mean in a democracy? Evidence from the United States and Israel. *Armed forces & Society*. 2014, Vol. 40, N 3, P. 504–520. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X12466828>
- Chandler D., Coaffee J. (eds). *The Routledge handbook of international resilience*. New York: Routledge, 2017, 420 p.
- Crozier M., Huntington S., Watanuki J. *The crisis of democracy: report on the governability of democracies to the Trilateral Commission*. New York: New York university press, 1975, 220 p.
- Deneen P.J. *Why liberalism failed*. New Haven; New York: Yale university press, 2018, 264 p.
- Diamond L. Democracy's arc: from resurgent to imperiled. *Journal of democracy*. 2022, Vol. 33, N 1, P. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2022.0012>
- Eckstein H. A culturalist theory of political change. *American political science review*. 1988, Vol. 82, N 3, P. 789–804. DOI: <https://doi.org/10.2307/1962491>
- Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge university press, 1985, 390 p.
- Fukuyama F. *Liberalism and its discontents*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2022, 192 p.
- Gill G. *Bridling dictators: rules and authoritarian politics*. Oxford, UK: Oxford university press, 2021, 400 p.
- Goldstone J.A., Gurr T.R., Harff B., Levy M.A., Marshall M.G., Bates R.H., Epstein D.L., Kahl C.H., Surko P.T., Ulfelder J.C., Jr., Unger A.N. *State failure task force report, phase III findings*. McLean, VA: SAIC, 2000, 255 p.
- Goodin R. The state of the discipline, the discipline of the state. In: Goodin R. (ed.). *The Oxford handbook of political science*. Oxford: Oxford university press, 2011, P. 3–57.
- Hanson J.K. State capacity and the resilience of electoral authoritarianism: conceptualizing and measuring the institutional underpinnings of autocratic power.

- International political science review*. 2018, Vol. 39, N 1, P. 17–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512117702523>
- Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition, 2004, 480 p. (In Russ.)
- Levitsky S., Ziblatt D. *How democracies die*. New York: Crown Books, 2018, 320 p.
- Levitsky S., Way L. Democracy's surprising resilience. *Journal of democracy*. 2023, Vol. 34, N 4, P. 5–20.
- Luce E. *The retreat of Western liberalism*. New York: Atlantic monthly press, 2017, 226 p.
- Luo Z., Przeworski A. Democracy and its vulnerabilities: dynamics of democratic backsliding. *Quarterly journal of political science*. 2023, Vol. 18, N 1, P. 105–130. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/100.00021112>
- Mearsheimer J.J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order. *International security*. 2019, Vol. 43, N 4, P. 7–50. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
- Meng A. *Constraining dictatorship: from personalized rule to institutionalized regimes*. New York: Cambridge university press, 2020, 264 p.
- Mouk Y. The undemocratic dilemma. *Journal of democracy*. 2018, Vol. 29, N 2, P. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2018.0030>
- Pileggi S. Holistic Resilience Index: measuring the expected country resilience to pandemic. *Quality & Quantity*. 2022, Vol. 56, P. 4107–4127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01296-3>
- Przeworski A., Limongi F. Modernization: theories and facts. *World politics*. 1997, Vol. 49, N 2, P. 155–183.
- Rosenfeld B. *The autocratic middle class: how state dependency reduces the demand for democracy*. Princeton: Princeton university press, 2021, 296 p.
- Tellis A., Bially J., Layne Ch., McPherson M. *Measuring national power in the postindustrial age*. RAND, 2000, 196 p.
- Welzel C. Why the future is democratic. *Journal of democracy*. 2023, Vol. 32, N 2, P. 132–144. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2021.0024>

Литература на русском языке

- Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // *Полит. Политические исследования*. – 2023. – № 6. – С. 8–20. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.02>
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.